ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ № 1(18), 2019

Исторические науки

УДК 930.85

И.В. Упоров

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Краснодарского университета МВД РФ (Краснодар, ул. Ярославская, 128), e-mail: uporov@list.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИЗНАКОВ ИДЕНТИЧНОСТИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Исследуются особенности развития признаков российской идентичности в историческом измерении. Отмечается, что некоторыеиз них значительно трансформировались и даже отвергались последующими политическими поколениями (в советском государстве отрицались ценности Российской империи, а в современной России – ценности СССР), что не всегда учитывается в исследованиях по данной проблематике. В результате, после распада советского государства возникла ситуация неопределенности идентичности российского общества, которая продолжается до сих пор.

Ключевые слова: Россия, идентичность, общество, признаки, народ, идея, государство, поиск.

I.V. Uporov

Uporov Ivan Vladimirovich, doctor of historical sciences, candidate of law, professor of the Krasnodar university of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Yaroslavskaya St., 128), e-mail: uporov@list.ru

TRANSFORMATION OF SIGNS OF IDENTITY OF THE MULTINATIONAL RUSSIAN SOCIETY

The features of the development of signs of Russian identity in the historical measure are studied. It is noted that some of them were significantly transformed and even rejected by next political generations (the values of the Russian Empire were denied in the Soviet state, and the values of the USSR– in modern Russia), which are not always taken into account in research on this issue. As a result, after the collapse of the Soviet state a situation of uncertainty in the identity of Russian society emerged, which continues to this day.

***Keywords**:* Russia, identity, society, signs, people, idea, state, search.

В работах по проблемам, связанным с идентичностью России, как представляется, не всегда учитывается изменчивость, динамика развития как самой страны, так и окружающего ее мира. Нередко предпринимаются попытки придать и обосновать российской самоидентичности начала XXI века те же самые признаки, которые характеризовали это явление ранее, доходя до времени едва ли не двести лет назад, упуская из вида, что кардинально меняются многие политические, экономические, культурные, религиозные и другие институты. Самый наглядный пример, зримый везде и всюду, – развитие научно-технического прогресса (далее – НТП), достижения которого придают

глобализации ускоряющийся характер и нивелируют ряд идентификационных признаков многих обществ-государств. И этот процесс не может не накладывать своего отпечатка на содержании социальных отношений, в том числе это касается общественного сознания по поводу идентичности российского народа. Так, В.П. Семьянинова в этом контексте отмечает, что «суровые, экстремальные условия, невозможность выживания в одиночку требовали от россиян беречь коллективистские ценности. В итоге сформировался один из самых небуржуазных народов на земле. Это означает, что в данном типе копирование иного пути противоречит его глубинным основам, снижает возможности использования человеческих ресурсов, усугубляет несоответствие возможностей результатам, негативно влияет на людей по причине социального расслоения» [11, с. 190].

С таким суждением, однако, трудно согласиться, учитывая, что сложные условия выживания когда-то были, вероятно, у всех народов и народностей, а коллективистское начало является вообще признаком любых человеческих сообществ. Другое дело, что в России исторически принцип коллективизма имел большее значение, чем во многих других странах, но этот коллективизм не столько являлся имманентным свойством российского народа, сколько отражал особенности государственно-политического управления, основанного на неких постулатах, исповедуемых власть имущими. Так, в сельском хозяйстве в период Московского государства и Российской империи действовало крепостное право, и крепостные *обязывались* работать коллективно. После 1917 г. в советском государстве крестьян принуждали вступать в колхозы (коллективные хозяйства), одним из условием членства в котором было обобществление их имущества, и такой подход взывал сопротивление крестьян, о чем могут свидетельствовать крестьянские восстания начального периода советской власти (наиболее известное – «антоновское восстание» 1918 г.). А признание земли как предмета частной собственности (в самом конце 1980-х гг.),

разрушение системы потребительской кооперации (тогда же) показывают, что в сельском хозяйстве нашей страны признак коллективизма трудно полагать как характерный. В промышленности ситуация схожая – в условиях частного бизнеса, множества ИП и других атрибутов рыночных отношений о действенных трудовых коллективах цехов, заводов и фабрик, сформированных в СССР и участием в которых гордились, уже забыли, рабочие сейчас не в состоянии даже организовать свои профсоюзы для защиты своих же трудовых прав.

Поэтому говорить о России как о «самом небуржуазном народе мира» сейчас уже не приходится. А еще сравнительно недавно, во времена СССР, с обобществленной экономикой и провозглашенным народным государством это, действительно, было так. Вот пример динамики представлений об идентичности российского общества.

В этом же контексте отметим мысль В.О. Коротина о том, что «первая составляющая национальной идентичности в условиях глобализации – сохранение традиций… Масштабные задачи, которые ставят перед собой глобальные политика и экономика, не должны приводить к размытию национально-культурного характера. Если все-таки глобализации удастся размыть национально-культурный характер, то это будет означать лишь господство безликой массовой культуры» [4, с. 112]. Как видим, коллективистские традиции российского (советского) общества оказались во многом утерянными. Этому способствует и действующая в России власть, прежде всего, законодательная. Так, для того чтобы коллективно выразить свое мнение, установлены неоправданно жесткие, на наш взгляд, требования, в частности, это касается организации митингов. А согласно ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для проведения юридически значимого собрания граждан по месту жительства (как формы участия населения в местном самоуправлении)нужно

предварительно созвать инициативную группу, выразить такое намерение, составить протокол, направить его в орган местного самоуправления и получить оттуда сведения о сроках и месте проведения такого собрания. Неудивительно, что таких собраний по инициативе граждан муниципальная практика не знает.

Заметим еще, что коллективистские ценности в СССР исходили из политико-идеологической доктрины социализма (коммунизма), то есть, советское государство было государством-идеей, и именно в этой идее заключалась главная идентичность советского общества, существенным образом отличавшаяся от идентичности Российскойимперии, поскольку царизм был объявлен большевиками как антипод народу, и соединить в единые традиции царизм с его крепостным правом и православием и систему Советов как власти трудящихся-атеистовбыло невозможно по определению. Но идея социализма (коммунизма) вместе с перспективой мировой революции и создания общепланетарной социалистической республики не выдержала испытания временем (реальностью) и угасла, а вместе с ней угасло и советское государство.

А после распада СССР «произошло разрушение исторически сложившегося комплекса государственно-централизованного контроля над обществом, в результате чего стали развиваться такие негативные синдромы, как аномия, кризис ценностей, а также девальвация существовавших норм поведения» [7, с. 14]. В этом же контексте следует согласиться с Т.А. Фоминой в том, что «современный социокультурный контекст идентификационных процессов детерминируется рядом специфических черт, среди которых наиболее значимыми являются: распад советского идентификационного пространства, реорганизация политических и экономических структур, усложнение социально-стратификационной системы общества, расширение рамок социального взаимодействия, нарастание информационных потоков, культурное многообразие, а также глубокая модификация нормативно-

ценностной системы и моделей социального, экономического, политического поведения. Эти и другие факторы обусловливают нестабильность и аморфность социокультурной среды, к которой современные россияне вынуждены адаптироваться» [12, с. 3].

Это еще пример динамичности изменений признаков идентичности, а точнее, если иметь в виду современную Россию, есть основания говорить об отсутствии в достаточной мере выраженности таких признаков, поскольку Россия, отказавшись от социализма и провозгласив капитализм (закрепив эту экономическую систему в Конституции России 1993 г.), к искомому цивилизованному капитализму еще не пришла. Дело в том, что при смене эпох (рубеж 1990 г.) произошел«тектонический сдвиг»: советские граждане, влекомые невиданной эйфорией, связанной с ожиданием перемен (прежние советский строй и КПСС с невыполненными обещаниямиуже переполнили чашу терпения населения), готовы были разрушить все, с чем они связывали несбывшиеся ожидания, и они это сделали.Был разрушен СССР как многонациональное государство. Была провозглашена частная собственность, стали внедряться рыночные отношения. Было воспринято то, что ранее критиковалось как прозападное и не соответствующее советскомуобразу жизни. Это кажется невероятным, но такова реальность, такова готовность народа кардинально изменить свое бытие, в том числе путем отказа от еще недавно считавшихся незыблемыми ценностямисоветского общества (впрочем, невероятности слишком удивляться не приходится – вспомним 1917 год).

Это разрушение было в целом мирным, что, бесспорно, можно считать цивилизационным достижением пограничных эпох – социализма и капитализма. Напомним, что о прекращении существования СССР как государства и как субъекта международного права было объявлено депутатами Верховного Совета СССР. А новую формацию своими законами провозгласили депутаты РСФСР (и других союзных республик, причем в 100% случаях все

бывшие национальные республики также провозгласили отмену социализма и установление капитализма).

Депутатов избирал народ, причем тогда, по оценкам многих политологов, выборы 1989–1990 гг. были самыми честными за всю историю нашей страны (еще не подключились денежные мешки). Далее пошел активный поиск будущего России, и те же депутаты и избранный также народом Президент России Б.Н. Ельцин предложили после бурных дискуссий проект новой Конституции России, который в 1993 г. волей народа, выраженной на референдуме, стал Основным законом страны. Здесь с формальной точки зрения сам народ определил признаки своей идентичности. Другое дело, что эти признаки являют собой не что иное как признаки типичного государства западного типа (правовое равенство, свобода слова, приоритет прав человека, частная собственность, свобода предпринимательства и т.д.). И если это так, то можно ли считать, что Россия стала жертвой глобализации западного типа? Отчасти ответ утвердительный. Ведь о конституционных изменениях принципиального характера речь вообще не идет, в том числе от оппозиционных политических партий, хотя прошло уже четверть века.

С другой стороны, нужно учитывать, что отмеченный выше «тектонический сдвиг»происходил на общественно-эмоциональной основе, и граждане России согласились на предложенный вариант (капитализм) без должного рационального рассуждения. Однако возникает вопрос: а были ли другие варианты? Варианты были, в частности, команда Горбачева предлагала более умеренный переход к рынку (как в Китае), КПРФ предлагала вариант государства без поста президента и с сохранением госсобственности на землю, свои проекты конституций представляли: А.Н. Сахаров, А.А. Собчаки др. Но итог известен. Мы полагаем, что выбор был во многом обусловлен тем, что именно на Западе был самый высокий уровень жизни, и если там смогли его достичь, то почему и в России этого не сделать, пойдя по их пути? Сейчас,

конечно, можно говорить о том, что не были учтены региональные и другие особенности России, неготовность граждан к новым экономическим и финансовым отношениям, неспособность многих из них действовать самостоятельно и брать на себя ответственность за свои решения и действия и т.д. Но, повторим, тогда были другие настроения, и, наверное, народ России проголосовал бы за любой предложенный правящей элитой конституционный проект.

Тем не менее это не значит, что Россия растеряла свои признаки идентичности. Мы полагаем, чтосейчас наблюдается переходный период, когда после революции начала 1990-х гг. происходит «утряска» общественных отношений, тем более что Конституция России при всей ее «западности» все же сохранила некоторые черты, присущие традиционному российскому государству. Речь идет о широчайших полномочиях главы государства – это было всегда, и в Московии, и в Империи, и в СССР (великий князь-император-генсек КПСС-президент). И сейчас в России, как и в прежних политических поколениях, сформировалось де-факто централизованное государство (во всяком случае, идет активный процесс централизации власти [2; 3; 6]), несмотря на формальную, по Конституции России, федерацию, имеется четко обозначенный центр принятия важнейших решений (Президент России). Стремление к расширению территории также является общим для всех российских политических поколений признаком российской идентичности (здесь можно и, очевидно, нужно, говорить о евразийской цивилизации и России как ее основе, но мы ведем речь о реальных и признанныхгосударствах и обществах). При этом важно подчеркнуть, что расширение территории сопровождается привнесением гуманитарной составляющей на новых территориях, что принципиально отличает Россию от иных государств, которые также прирастают территориями.

Что касается других признаков российской идентичности, которые приводят многие авторы, то они, на наш взгляд, не имеют однозначной трактовки. Так, по мнению А.В. Костиной, «Россия западному рационализму осмысленно противопоставила антирационализм и антисхоластичность… Это первая принципиальная особенность русской культуры. Вторая – ее онтологизм, обращенность к проблемам бытия, места человека в мире, его связи с универсумом, гармонии человека с природой и обществом и путей ее достижения. Третья – обостренное чувство социальной справедливости, обращенность к вопросам о правде, о новом справедливом обществе, антииндивидуализм, стремление к всеединству» [5, с. 139]. Такое противопоставление представляется все же во многом искусственным – и потому, что Запад характеризуется как некая единая культура, в то время как онавесьма разнообразна, и потому, что указанные черты также присущи европейским народам. К тому же такого рода суждения – сугубо субъективные, а между тем Конституция России, принятая всенародно, а стало быть, эта позиция перевешивает все другие субъективные позиции, как отмечалось, относит Россию как раз к западному миру. Да и в обыденной жизни Россия – отнюдь не азиатское, а европейское государство (например, Россия по разным видам спорта участвует в чемпионате Европы, а не Азии, несмотря на то, что азиатская территория России намного превышает европейскую, Россия стремится достичь безвизового режима с Европой, а не с Азиатским ареалом, российская молодежь уезжает на учебу в Европу, а не в Азию, экономическое сотрудничество России в наибольшей степени с Европой, а не с Азией и т.д.). Можно привести и исторические примеры: стремление Ивана Грозного жениться на английской королеве, а не на азиатской принцессе, петровские реформы по европейским, а не по азиатским лекалам, и т.д.).

Далее указанный автор говорит о «российской» культуре, что мы полагаем некорректным, поскольку в России проживает более ста народов и

народностей, соединить которые в одну культуру невозможно. При этом, как правило, «российская» культура ассоциируется с «русской» культурой, но тогда речь надо вести об идентичности русского народа, что опять же некорректно, имея в виду многонациональность России. К тому же, как отмечает В.А. Тишков, «русский народне является гомогенным, он очень разнообразен. Образованному русскому проще найти язык с образованным чеченцем или с татарином, чем с русским не из своей среды» [10]. В этом же контексте можно назвать и до сих пор неразрешенную проблему организационно-структурного обособления русской национальности в российском государстве. В Конституции России указывается, что русский язык является государственным языком на всей территории России, но в отличие от иных народов и народностей, русские не имеют ни своего единого государственного образования, ни иной культурной автономии – вроде бы предполагается, что русский народ – государствообразующий, но почему же это не отражено в основном законе страны – опять синдром «великорусского шовинизма»? Не нужно также думать, что все народы России будут вечно «младшими братьями». Пример с распадом СССР показал, что самодостаточные нации рано или поздно стремятся покинуть крыло «большого» брата, что вполне естественно – так же, как дети покидают родительское гнездо. Нужно это понимать, быть готовыми к такому повороту событий и обеспечить спокойное и достойное решение такой проблемы.

Мы обозначили только ряд идентификационных проблем, требующих обсуждения и нахождения определенного консенсуса. И переживаемый период мы расцениваем как переходной. Россия сделала огромный цивилизационный зигзаг в истории (империя –советское государство–современная Россия), многое перемешано, общественно-идеологическое пространство полно противоречий, и поэтому этот период может длиться еще много лет, чтобы «пыль осела» и определился вектор именно российской идентичности: «Как Россия предстанет

в будущем – как Евразия или как Европа? Этот вопрос пока остается без ответа» [9, с. 21]. Поэтому не удивительно, что инициированная властью в середине 1990-х гг. дискуссия по очередному поиску российской национальной идеи оказалась бесплодной. И мы не одни такие в мире, например, «турки никак не могут ответить себе, кто они – европейцы или азиаты, и к какой геополитической среде они относятся – Европе, Западу, Ближнему Востоку, исламскому миру или даже – Центральной Азии» [13, с. 37].

Поиск нужно продолжать, поскольку «без осознания своей идентичности российское общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на вызовы современного мира, не сможет осуществлять полноценную и эффективную модернизацию» [1, с. 131]. В этом поиске вряд ли продуктивно противопоставление России и Запада, учитывая непрерывный процесс глобализации, куда Россия втягивается и не может не втягиваться, и имея в виду историческую связь России и Европы. Мы полагаем, что дискуссии «славянофилов» и «западников» уже давно неактуальны, схоластичны, так как жизнь стремительно ушла вперед от такого рода споров.

Как отмечает С.М. Маркедонов, «очевидно, что в новых условиях невозможен возврат ни к монархической, ни к коммунистической идеологии. Новая надэтническая Российская идея должна основываться на новых базисных принципах –демократии, гражданственности, российского патриотизма» [8]. И действительно, Россия не должна отставать в политическом развитии. Но этого недостаточно – важно сформировать свое, российское видение общественно-государственной жизни – вместе с миром (передовыми странами), но со своими особенностями, которые пока только лишь намечаются.

Список используемой литературы:

1. *Бадмаев В.Н.* Национальная идентичность России: исторический дискурс и современные вызовы // Новые технологии. 2008. № 5.

2. *Грохотов А.Н.* Наследие И.А. Ильина и централизация власти в современной России // История государства и права.2011. № 8.

3. *Какителашвили М.М.* Некоторые проблемы современного российского федерализма // Законы России: опыт, анализ, практика.2015. № 8.

4. *Коротин В.О.* Национальная идентичность в современном обществе в условиях глобализации // Вестник Поволжского института управления. 2015. №2.

5. *Костина А.В.* Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2.

6. *Куракин А.В., Карпухин Д.В., Попова Н.Ф.* Принципы разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектами // Административное и муниципальное право. 2018. № 11.

7. *Левада Ю.А.* От мнений к пониманию: социологические очерки 1993–2000.М., 2000. 576 с.

8. *Маркедонов С.* Национальная самоидентификация России: осознание общего гражданства или зов «крови» //Сайт: «Клуб мировойполитической экономии». URL:http://wpec.ru/text/200705211343.htm

9. *Немировская Л.З.* Проблема социокультурной идентичности и самоидентификации // Вестник Российского нового университета. 2012. № 1.

10. Самоидентификация русского народа: в РИА «Новости»прошел круглый стол, посвященный самоидентификации русского народа // РИА-Новости. 2013. 18 сентября. URL: http://maxpark.com/community/13/content/2208004

11. *Семьянинов В.П.* О некоторых особенностях цивилизационных типов (к проблеме «Россия и Запад») // Вестник Тамбовского ун-та. Сер. «Гуманит. науки». 2018. Т. 23. № 173.

12. *Фомина Т.А.* Социокультурная самоидентификация современного российского студенчества: региональный аспект. Дис. … канд. соц. наук. Ставрополь, 2007. 156 с.

13. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова.М., 2008. 635 с.